

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.12

Манифест 17 октября 1905 года в оценках монархистов

Игорь Владимирович Омелянчук

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, Omeliyanchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7535-2612>

Аннотация. В статье рассматривается реакция представителей правого лагеря на манифест 17 октября 1905 г. Большинство монархистов восприняли его негативно, полагая, что манифест получен у царя обманом и революционным натиском, уступать которому не следовало. Кроме того, большинство правых увидело в этом законодательном акте покушение на краеугольный камень российского государства — самодержавие, хотя были и те, кто считал, что октябрьский манифест позволит уничтожить бюрократическое «средостение» между царем и народом. Недовольство монархистов также вызывали нечеткие формулировки манифеста, дававшие оппозиции возможность трактовать его как конституционный акт. Но эти же формулировки позволили монархистам заявить, что самодержавие и после 17 октября осталось неизменным, а Государственная дума была призвана лишь облегчить царю законодательную работу, но не заменить его. Такая трактовка манифеста получила одобрение царя, высказавшего его многочисленным депутатам монархистов, посещавшим монарха в конце 1905 — начале 1906 г.

Ключевые слова: манифест 17 октября 1905 г., монархические партии, самодержавие, конституция, Николай II, Государственная дума.

Для цитирования: Омелянчук И. В. Манифест 17 октября 1905 года в оценках монархистов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 4 (52). С. 169—187. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/12_52_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.12.

Original article

Manifesto of October 17, 1905 in the assessments of monarchists

Igor V. Omelyanchuk

Moscow City University, Moscow, Russia, Omeliyanchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7535-2612>

Abstract. This article examines the reaction of representatives of the right camp to the Manifesto of October 17, 1905. Most monarchists took it negatively, believing that the manifesto was obtained from the tsar by deception and revolutionary pressure, which should have been resisted. In addition, the majority of the right considered this legislative act an attack on the cornerstone of the Russian state — autocracy, although there were those who believed that the October Manifesto would make it possible to destroy the bureaucratic “mediastinum” between the tsar and the people. The monarchists were also dissatisfied with the vague wording of the manifesto, which gave the opposition an opportunity to interpret it as a constitutional act. However, these same formulations allowed the monarchists to declare that the autocracy remained unshakable even after October 17, and the State Duma was intended only to facilitate the tsar’s legislative work, but not to replace him. This interpretation of the manifesto received the approval of the tsar, who expressed it to numerous deputations of monarchists who visited the monarch in late 1905 — early 1906.

Keywords: Manifesto of October 17, 1905; monarchist parties, autocracy, constitution, Nicholas II, The State Duma.

For citation: Omelyanchuk I. V. Manifesto of October 17, 1905 in the assessments of monarchists. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 4 (52), pp. 169—187. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.12>.

© Омелянчук И. В., 2024

Введение

Манифест 17 октября 1905 г., провозглашавший политические свободы и предоставивший Государственной думе законодательные полномочия, сыграл ключевую роль в политическом процессе в Российской империи начала XX в. С одной стороны, он способствовал победе самодержавия над Первой русской революцией, с другой — поставил под сомнение само существование самодержавия в послеманифестной России. Неудивительно, что монархисты¹, чьим идеалом была неограниченная монархия, оказались вовлеченными в полемику относительно сущности манифеста 17 октября и ожидаемых после его публикации политических последствий.

Несмотря на судьбоносность этого законодательного акта и важное место, занимаемое правыми партиями на политическом небосклоне Российской империи, специальных работ, посвященных оценке монархистами манифеста 17 октября 1905 г., нет. Отечественными учеными проблема рассматривалась в основном в общих работах, посвященных правому движению [21; 49] или наиболее популярным персоналиям монархического лагеря [19; 20]. Из зарубежных авторов следует в первую очередь выделить американского историка Д. Роусона [53], исследовавшего возникновение и становление монархического движения в период Первой русской революции. Так как предметом исследования во всех вышеназванных работах являлись правые организации и их лидеры в целом, то проблема отношения монархистов к манифесту 17 октября 1905 г. не получила в них должного разрешения.

Учитывая недостаточную разработанность заявленной проблемы в историографии, к ее исследованию нами был привлечен достаточно широкий круг источников, которые можно разделить на несколько групп: публицистика, периодическая печать, мемуары и дневники, делопроизводственные документы.

В данной статье использованы публицистические произведения лидеров правого движения Н. Е. Маркова 2-го [26] (председателя «обновленческого» Союза русского народа — СРН), В. А. Грингмута [38; 45; 46] (председателя Русской монархической партии — РМП и редактора правой газеты «Московские ведомости»), П. Ф. Булацеля [4] (члена Главного Совета СРН), протоиерея о. И. И. Восторгова [11; 12] (председателя РМП после смерти В. А. Грингмута), Ю. П. Бартенева [1] (одного из лидеров Союза русских людей — СРЛ), А. С. Вязигина [13] (председателя Харьковского отдела «Русского собрания», после смерти графа В. Ф. Доррера — председателя правой фракции в III Государственной думе), А. И. Любинского [25] (председателя Киевского губернского отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела — РНСМА), а также работы известных правых публицистов — А. С. Будиловича [3], В. А. Задонского [17], А. А. Киреева [22], К. Н. Пасхалова [32] и Н. Черникова [50; 51]. Материалы этой группы источников позволяют выявить многообразие оценок и трактовок манифеста 17 октября 1905 г. представителями правого лагеря.

К исследованию были также привлечены материалы повременной печати 1905—1907 гг. Это партийные издания «Московские ведомости» (печатный орган РМП, Москва), «Русское знамя» (печатный орган СРН, Санкт-Петербург), «Владимирский край» (печатный орган Владимирского отдела СРН, Владимир) и «Русский народ» (печатный орган Ярославского отдела СРН, Ярославль), а также формально внепартийные правые газеты «Вече» (редактор В. В. Оловеников, Москва) и «Кремль» (редактор-издатель Д. И.

¹ В самодержавной России начала XX в. к монархистам мы относим только те политические силы, которые выступали против попыток ограничения власти царя. Политические силы, требовавшие ограничить полномочия монарха, но готовые в своих партийных программах еще какое-то время «терпеть» институт монархии (например, кадеты и октябристы), мы относим к конституционалистам и в данной работе не рассматриваем.

Иловайский, Москва). Материалы этих изданий позволяют уточнить позицию по отношению к манифесту 17 октября центральных и региональных партийных структур, а также внепартийных изданий и идеологов правых.

В работе также были использованы источники личного происхождения — воспоминания бывшего министра финансов, а затем премьер-министра В. Н. Коковцова [23] и дневники генеральши А. В. Богданович [2], в салоне которой собирался весь петербургский политический бомонд, включая лидеров правых.

Важное место в источниковой базе занимают делопроизводственные документы, отложившиеся в фонде 1284 (Департамент общих дел МВД) Российского государственного исторического архива (РГИА) и фонде 14 (Канцелярия Владимирского губернатора) Государственного архива Владимирской области (ГАВО). Эти материалы содержат программные документы политических партий, а также переписку по поводу их регистрации, в которой уточняется идеологическая позиция регистрируемых организаций.

Отдельно выделим опубликованные сборники документов по истории правых партий [34; 48]. В них содержатся документы, относящиеся ко всем вышеперечисленным группам — публицистика, источники личного происхождения (в том числе эпистолярные), газетные вырезки, уставы и программы правых партий, партийное делопроизводство и т.п., а также изданные в 1906 г. устав СРН и его «Основоположения» [47] и сборник платформ политических партий России [33].

Результаты исследования

Публикация манифеста 17 октября 1905 г. о предоставлении Государственной думе законодательных прав и о даровании населению политических свобод оказалась неожиданной даже для большинства представителей власти (например, министр финансов В. Н. Коковцов «не подозревал о его подготовке» [23 с. 83]), не говоря уже об общественных деятелях всех направлений. Газета «Московские ведомости», популярное консервативное издание, писала: «Высочайший манифест 17 октября встречен в Москве в разных кругах различно: одни радовались, другие плакали, третьи негодовали» [27].

Рядовые сторонники самодержавия, для которых царский манифест означал крушение привычного им мира, встретили его в штыки едва ли не в прямом смысле. Так, по сведениям полиции, в городе Муроме Владимирской губернии 22 октября 1905 г. от имени местного Крестьянского и рабочего комитета «раздавался по базару перепечатанный Манифест и одного из раздававших деревенские мясники побили» [14, л. 33], посчитав манифест подложным. Один из лидеров Союза русского народа адвокат П. Ф. Булацель на страницах «Русского знамени» писал «о тех мастеровых, которые громили 17 октября 1905 г. Тверскую земскую управу не из личной мести, не из корыстных побуждений, а единственно потому, что были возмущены слухами о том, что земцы на собрании в здании управы говорили противоположительные речи и обсуждали вопрос, как произвести всеобщую забастовку, революцию и свергнуть с престола Государя» [40]. Даже типографские рабочие в Санкт-Петербурге, как отметила в своем дневнике за 17 октября 1905 г. генеральша А. В. Богданович, отказывались печатать «манифест о конституции» [2, с. 352].

О. А. Шимбирева в своем исследовании, посвященном анализу писем, направленных в Главный совет СРН и редакцию «Русского знамени», выделила 88 смысловых единиц, содержащихся в этих посланиях. Если жалобы на антиправительственную пропаганду (ед. 1) встречаются 44 раза, выражение поддержки председателю СРН А. И. Дубровину (ед. 15) — также 44 раза, выражение приверженности православию (ед. 88) — 24 раза [52, с. 247, 248, 252], то выражение благодарности «за все свободы и вольности Манифеста 17-го октября» (ед. 47) — всего 1 раз [52, с. 250]. То есть рядовые монархисты (а

это в основном рабочие, крестьяне, мещане и другие представители социальных низов) манифест, как правило, не одобряли.

Однако и реакцию на манифест представителей правого политического класса нельзя назвать положительной. В. А. Грингмут, узнав о публикации манифеста 17 октября, выразился очень эмоционально: «...Царя у нас украли» [11, с. 187]. Для характеристики этого законодательного акта он использовал весьма критические выражения: «ужасная катастрофа», «капитуляция Русского Правительства перед революцией», «государственный переворот, свергнувший несчастную Россию в кровавую пучину революции», «роковое 17 октября», «страшная бомба», «разрушительный снаряд, подложенный 17 октября графом Витте», «злополучный акт 17 октября» [46, с. 211, 222, 227, 229, 230, 296]. В своей публицистике В. А. Грингмут приводил мнение «обычных» крестьян («простецов»), утверждавших, что «вся беда пошла от “семнадцатого”... пошли бунты, забастовки и погромы; с “семнадцатого” стала ручьями литься Русская кровь» [46, с. 229].

Н. Е. Марков 2-й в мае 1906 г. с трибуны дворянского съезда заявил: «Акт 17-го октября нами должен быть принят молча и исполнен, как царское веление, но восхвалять его... мы не можем, ибо он, изданный в минуту страха, был лишь ловушкой, подставленной царю» [19, с. 92]. И хотя именно манифест 17 октября в дальнейшем позволил Н. Е. Маркову 2-му сделать политическую карьеру члена Государственной думы и неформального лидера ее правой фракции, даже спустя годы в эмиграции он не изменил своего отношения к нему: «Этот исходивший сверху государственный переворот поколебал самую основу исторического строя, который создал и упрочил величие монархии и обеспечивал благосостояние русского народа. С рокового дня — 17 октября 1905 г. — началось падение монархии, закончившееся всероссийской катастрофой 2 марта 1917 г. и уничтожением Российского государства» [26, с. 304].

К. Н. Пасхалов утверждал, что «Манифест 17 октября окончательно похоронил историческую Россию, совлек с нее... последние остатки самобытного ее обличия и вырядил в изношенную мишуру западного конституционализма, донельзя опротивевшего народам, осужденным на этот грубый, фальшивый режим» [32, с. 88].

Известнейший историк Д. И. Иловайский на страницах собственной газеты «Кремль» так писал про манифест 17 октября 1905 г.: «Одним росчерком пера произведена реформа, имевшая разнообразные, более или менее вредные последствия, и прежде всего стеснившая Верховную власть именно в деле полезных государственных реформ» [24].

Придерживающийся славянофильских взглядов публицист генерал-лейтенант А. А. Киреев утверждал, что развитие манифеста 17 октября «в его настоящем виде приведет нас фатально к злейшему парламентаризму, а затем и чистой охлократии, и притом очень скоро!» [22, с. 255].

СРН в своем обращении конца 1905 г. утверждал, что высочайшим манифестом была дарована «свобода». Однако, «несмотря на эту милость царскую, мы, под видом объявленной “свободы”, на деле оказались отданными в самое беспросветное рабство какой-то темной, никому неведомой, грубой и всеразрушающей силе, распоряжающейся самовластно и без всякого законного права нашей судьбой» [34, с. 80]. Правая дворянская организация «Кружок москвичей» отмечала, что «русские люди... не могли не быть смущены государственным актом, который, по-видимому, давал повод думать, будто исторические основы нашего государственного строя... коренным образом изменены. Невольно возникло предположение, что Царь уже не обладает прежней полнотою власти и что государственное устройство наше должно быть преобразовано на конституционных началах» [34, с. 111—112].

Часть правых полагала, что Россия просто еще не готова разумно воспользоваться полученным царским даром. Так, протоиерей И. И. Восторгов в одном из своих выступ-

лений заявил: «Когда великодушный Царь даровал в манифесте 17 октября 1905 года различные свободы, мы в первый же день после этого доказали и ныне доказываем, что мы ими злоупотребляем, как злые и испорченные дети» [12, с. 259].

Лишь некоторые правые организации и политики увидели в царском манифесте положительные стороны. В конце 1905 г. В. М. Пуришкевич, «говоря о себе как о стороннике незыблемости царского самодержавия... в то же время приветствовал Манифест 17 октября и учреждение Думы, полагая, что народное представительство сумеет преодолеть созданное чиновниками-бюрократами средостение между царем и народом» [20, с. 58]. Октябрьский манифест был одобрен и Курской народной партией порядка (КНПП), которая полагала, что созданием народного представительства самодержец «восстановил то исконное единение царя с народом, без коего русскому государству угрожала неминуемая гибель» [19, с. 51]. Правда, при этом партия категорически отвергала утверждения о каком-либо последовавшем ограничении власти царя. В начале января 1906 г. одна из листовок Союза русских людей также утверждала, что манифестом 17 октября «Державною рукою Самого Государя» положен «почин великому делу — уничтожению стены между Царем и народом» [34, с. 110]. Видный правый деятель из Киева А. И. Любинский в предвыборной речи, произнесенной 14 сентября 1907 г., заявил, что манифестом 17 октября «давалось все, о чем мог мечтать, чего мог желать гражданин-патриот. Им восставливался утерянный было Союз Царя с Народом и гарантировалась целесообразная законодательная деятельность» [25, с. 14—15]. По его мнению, этот акт являлся «не исторической ошибкой, как называют его некоторые, а великим историческим благодеянием для России!» [25, с. 16].

В некоторых монархических организациях мнения по поводу царского манифеста разделились, что едва не привело к их расколу. Примером может служить одесский отдел «Русского собрания». Его председатель Б. А. Пеликан признавал, что в жизни организации «были тревожные дни после опубликования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г., когда некоторые члены пытались произвести раскол в Отделе; однако эти попытки потерпели полную неудачу. Отдел остался верен прежним [самодержавным] идеалам» [34, с. 183].

В большинстве своем монархисты полагали, что манифест 17 октября явился следствием давления на царя со стороны оппозиции (К. Н. Пасхалов называл этот акт «вырванным у власти» [34, с. 90]) или даже прямого обмана царя его ближайшим советником С. Ю. Витте, который, как выразился В. А. Грингмут, «исторг» манифест у Верховной власти посредством «подлой лжи», уверяя царя, «будто (устроенная им же самим) крамольная затея всеобщей забастовки превратится во всенародную революцию» [46, с. 296]. Н. Е. Марков 2-й также доказывал, что именно С. Ю. Витте «уговорил императора Николая II подписать заготовленный им, Витте, манифест 17 октября 1905 года, этот злощастный акт, которым Царскому Самодержавию был нанесен ужасный удар» [26, с. 304].

Представитель «Русского собрания» Б. В. Никольский в феврале 1906 г. в салоне генеральши А. В. Богданович выдал «за достоверное» слова С. Ю. Витте о том, что манифест 17 октября «был дан потому, что правительство сомневалось в верности войск, ожидалось их возмущение, что они перейдут на сторону революционеров, поэтому и поторопились с этим манифестом. Будь уверено правительство в войске, никогда бы этого манифеста не было» [2, с. 367]. Вряд ли это действительно были слова С. Ю. Витте, скорее, это мнение самого Б. В. Никольского, намеревавшегося таким способом объяснить причины появления этого законодательного акта.

Лидер московских монархистов протоиерей И. И. Восторгов в своей речи, произнесенной осенью 1907 г., заявил, что причиной появления манифеста 17 октября стала

«лживая и вкрадчивая речь, — как речь искусителя-сатаны, навеянная предательством, ложью, изменой, навеянная жадными вожделениями иноплеменников и идолами чужеземного, для нас отвратительного государственного строя — послужила в этот самый день 17 октября началом и источником неисчислимых бедствий нашей родины» [12, с. 365]. Имени «сатаны» И. И. Восторгов не назвал, но слушатели безошибочно узнали в нем С. Ю. Витте.

В. А. Грингмут утверждал, что граф С. Ю. Витте «разобшил Царя с Народом, преградил ему всякий доступ к Царю, дабы спокойно продолжать свое дело лжи и обмана», затем «явился Манифест 17 октября 1905 г., и с этого момента начался двойной обман, двойная мистификация: Царя уверяли, будто Народ требует “конституции”, а Народу доказывали, будто “конституции” желает Царь» [46, с. 336, 346].

Газета «Русское знамя» в статье, посвященной первому председателю Совета министров С. Ю. Витте, писала: «...предатель России путем обмана добился выпуска манифеста 17 октября 1905 года». В этом же номере была перепечатана статья из французского журнала «Revue», в которой утверждалось, что С. Ю. Витте «давал пароль и направлял атаки на самодержавие». По мнению ее автора, русское «правительство капитулировало манифестом 30 октября (нов. стиль)» [43].

Монархисты были уверены, что власть в октябре 1905 г. не проявила достаточной твердости в борьбе против революции. Председатель СРН доктор А. И. Дубровин утверждал, что «если бы 17 октября ничего не было дано и выдержали бы еще несколько дней, то забастовки сами прекратились бы за недостатком средств [у рабочих. — *И. О.*]» [34, с. 607]. В. А. Грингмут также считал, что к 17 октября «эта затея [забастовочное движение. — *И. О.*] сама собой уже успела рухнуть, встретив решительный отпор со стороны Русского народа» [46, с. 296]. По его сведениям, на фабриках уже «служились молебны пред возобновлением работ» [45, с. 212].

Однако среди монархистов были и иные представления о причинах появления царского манифеста. Например, казначей Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии (ИВСМП) А. Р. Фельдман утверждал: «Если в обществе составилось убеждение, что свободы получились только путем ропота, путем насилия, то надо сказать, что выводы эти, безусловно, ложны». Главной причиной провозглашения манифеста 17 октября 1905 г., по его мнению, стало отнюдь не революционное давление, а «неограниченная доброта и миролюбие нашего Государя Императора, Его отвращение ко всему насильственному», доказательством чего может служить «его творение: третейский мирный суд в Гааге» [35, л. 11]. Но это, вероятно, единственный случай такой трактовки правыми обстоятельств появления манифеста 17 октября.

При этом правые подчеркивали, что манифест 17 октября не остановил революцию. СРН в своем обращении «Люди русские!» (конец 1905 г.) констатировал: «Смута не прекращается, несмотря на дарованную “свободу”, которой столь усердно добивались. Бог знает до каких пределов дойдет подобная анархия, но несомненно одно, что мы идем неуклонно по пути к гибели и разрушению Государства Российского...» [34, с. 80]. «Кружок москвичей» утверждал, что манифест 17 октября, «изданный, очевидно, в надежде предотвратить дальнейшую агитацию революционеров и укротить производимую ими смуту, не достиг этой цели» [34, с. 11]. П. Ф. Булацель признавал, что «большинство “благонамеренных” либералов готовы... поддерживать конституционную монархию, возведенную манифестом 17 октября 1905 года. Но, — задавал он своим читателям вопрос, — разве крайние партии остановились в своем стремительном разбеге?» [4, с. 4]. К. Н. Пасхалов утверждал, что умиротворение не наступит, несмотря на то что «жела-

ния» революции «почти слово в слово формулированы в Манифесте 17 октября», так как главная цель революции — «разрушение России» [32, с. 88—89].

В. А. Грингмут сообщал, что «Московская Городская Дума демонстративно воздержалась от выражения чувства благодарности за милостивые слова о расширении гражданской свободы в Манифесте 17 октября и ныне дерзко торжествует свою “первую победу” над Верховной Властью, немедленно требуя от Нее новых уступок, очевидно намереваясь проложить себе путь к полному упразднению этой Власти» [45, с. 285]. Он считал, что С. Ю. Витте вместо восстановления монархической власти отдал Россию ее разрушителям, так как уступки, сделанные манифестом 17 октября, не только не привели либералов к примирению с властью, но и воодушевили революционеров [53, р. 27].

Правые утверждали, что манифест 17 октября вместо умиротворения страны создал все необходимые условия для усиления революционного движения. Революция была вызвана манифестом 17 октября, писал В. А. Грингмут [46, с. 35]. «Кружок москвичей» утверждал, что после публикации манифеста 17 октября «крайние элементы... решились еще настойчивее продолжать борьбу, пользуясь благоприятною минутой, чтобы окончательно разрушить... исторически сложившийся у нас государственный строй и захватить власть в свои руки» [34, с. 111]. Известный правый деятель, ученый-славист А. С. Будилович отмечал, что сразу же по издании манифеста 17 октября, призванного погасить пожар революции, «в Гельсингфорсе и других финляндских городах вспыхнул мятеж». С этого же времени тревожная обстановка сохранялась и «в областях эсто-латышских» [3, с. 12, 15]. А. И. Любинский доказывал, что «инородцы всех мастей» увидели «в Манифесте конец всех своих антигосударственных вождедений», а их союзники-радикалы с публикацией этого акта «теряли всякую надежду увидеть Россию Республикой, а себя во главе ее правящих сфер». Поэтому «государственная смута с изданием Манифеста не только не прекратилась, но с новой яростью и злобой обрушилась на несчастную страну» [25, с. 15].

По мнению В. А. Грингмута, 17 октября «граф Витте необдуманно или преднамеренным образом дал... революционерам полную необузданную свободу печати — и этим на 95% обеспечил успех революции» [46, с. 367]. Этой «фактической неограниченной свободой слова, печати, союзов и собраний... воспользовались не только “конституционалисты”, но и социалисты, и анархисты, и поляки, и армяне, и латыши, и все враги России; они обрадовались дарованной им безнаказанности, чтобы путем широчайшей пропаганды побудить и крестьян, и рабочих, и инородцев, и весь городской пролетариат к тем грабежам и мятежам, которые ныне разлились по всей России» [45, с. 303]. «Московские ведомости» также доказывали, что «наша революция пошла полным ходом» с тех пор, как «революционная печать самовольно сбросила с себя, после 17 октября, на наших глазах путы цензуры и закона, объявив себя свободную и независимую от чего бы и кого бы то ни было (кроме пресловутого “Совета рабочих депутатов”）」 [29].

Критикуя манифест, правые указывали на расплывчатость его формулировок, создающую почву для различных его толкований. Ярославская правая газета «Русский народ» писала о «крайне неопределенной редакции манифеста 17 октября», на которой настоял лично С. Ю. Витте [39]. Публицист Н. Черников утверждал, что «Манифесты 6 августа и 17 октября... обнаруживали в неясностях своего изложения некоторый уклон к конституционному укладу, внося юридический элемент во взаимоотношения между Царем и народом. Эта двойственность порождала кривотолки, возбуждала страсти...» [50, с. 203]. А. С. Вязигин признавал, что в теории «Высочайший Манифест от 17 октября не противоречит идеальному представлению о Самодержце, находящемся в постоянном единении со своим верноподданным народом, и не вводит у нас западноевропейского

парламентаризма», однако на практике он «подал повод к разномыслию... Эта неясность и неопределенность выражений вселяет в сердца тревогу и опасения, что вместо обещанного нам *бывшего встарь* единения Царя с народом, вместо самобытного развития... Россия окончательно поворачивает на путь слепого подражания западным установлениям» [13, с. XXIX, XXX].

Проходивший в это время Всероссийский съезд землевладельцев также признал, что манифест породил у «населения существенное сомнение относительно неприкосновенности исконной русской самодержавной неограниченной власти» [16, с. 178]. В обращении СРН, подписанном товарищем председателя его Главного Совета Союза А. И. Тришатным, подчеркивалось, что после опубликования «злосчастного манифеста 17 октября», провозгласившего политические свободы, «почему-то не сочтено было нужным при этом разъяснить, что следует разуметь под этим растяжимым понятием» [34, с. 282].

Правая газета «Владимирский край», перечисляя политические ошибки графа С. Ю. Витте, на первое место поставила «полный недоговорок и туманностей» манифест 17 октября, «заливший кровью Россию от края до края» [6]. Правда, вскоре газета «исправилась» и поспешила объяснить, что страну кровью залил не сам манифест, а его неправильное толкование (наверное, вследствие упомянутых выше «недоговорок и туманностей»), и фразу «манифест 17 октября, заливший кровью всю Россию» предложила читать как «изложение манифеста 17 октября, залившее кровью всю Россию» [7].

В октябре 1905 г. правые оказались в трудном положении. Как монархисты, они обязаны были исполнить волю монарха и признать изменения, вносимые манифестом 17 октября в политическое устройство Российской империи (в «Руководстве черносотенца-монархиста», составленном В. А. Грингмутом в форме катехизиса, был и такой вопрос: «Могут ли черносотенцы-монархисты идти против своего самодержавного царя?». Ответ не допускал толкований: «Никогда и ни в чем» [38, с. 12]), но как *русские* монархисты, они стремились сохранить традиционную неограниченную власть самодержца. Американский историк Д. Роусон также указывал на сложную дилемму, которую предстояло разрешить правым: либо стремиться к возвращению доманифестного режима, либо охранять вариант автократии, возникший после 17 октября 1905 г. [53, р. 226]. Следует также отметить, что в правом лагере были сторонники обеих точек зрения, поэтому отношение к манифесту 17 октября стало одной из важнейших причин раскола монархистов на два течения — «дубровинцев» и «обновленцев». Первые не признавали законодательный характер Государственной думы, а вместе с этим отрицали и всю политическую конструкцию «думской монархии», вторые после некоторых колебаний все же встали на сторону власти и признали реалии новой политической системы России.

В эмиграции Н. Е. Марков 2-й писал о «заколдованном круге», возникшем после появления манифеста 17 октября: народная масса, «мнение которой ярко выражал Союз Русского Народа, в ограничении прав Самодержца чуяла величайшее для России бедствие и потому не хотела слышать о конституции, не хотела допускать мысли, что Царь — более не Самодержец... С другой стороны, сам Царь-Самодержец приказывал признавать Государственную Думу и законы 1906 г., содержащие в себе явные признаки ограничения и умаления Самодержавия Царского». В итоге народ должен был «либо во имя восстановления поврежденной полноты Царского Самодержавия послушаться самого Царя, стать на путь восстания против Правительства и силою вернуть Царю исторгнутую у Него интеллигентским обманом и революционным устрашением полноту власти, либо покориться и признавать новые — по существу конституционные — законы» [26, с. 322]. Часть правых предлагала просто отменить манифест 17 октября. Например, «Кружок москвичей» 17 января 1906 г. не исключал, «что могут когда-нибудь наступить такие

обстоятельства, при которых Русский Царь будет нравственно обязан для блага своего народа... отменить Манифест 17-го октября» [34, с. 117]. «Московские ведомости» в номере от 25 января 1906 г. выражали уверенность, что «ограничение самодержавной власти (sic!) может быть только временным», т.е. манифест рано или поздно будет отменен царем [30].

За разрешением своих сомнений монархисты решили обратиться напрямую к самодержцу. 1 декабря 1905 г. депутация правых деятелей была принята Николаем II в Царском Селе. Тревогу и смущение монархистов отражал поднесенный государю верноподданный адрес от Союза землевладельцев, в котором говорилось: «Образованное вслед за Манифестом 17-го октября Правительство в форме Совета Министров оказалось не только бессильно к обузданию крамолы, но, наоборот, смута в Государстве растет и ширится...». Участник депутации К. Н. Пасхалов заявил: «Манифестом 17 октября Ваше Величество даровали всем свободы и неприкосновенности, а между тем никогда еще произвол и насилие не только над отдельной личностью, но и над всем Государством не достигали таких ужасающих размеров» [46, с. 28, 30].

Другой участник депутации, помещик А. А. Чемодуров, в своей речи, обращенной к императору, заявил, что царским манифестом были дарованы «свобода и неприкосновенность», однако «смута растет в нашем Государстве». Более того, «среди крестьянского населения, в обществе, в речах и в газетах утверждается, что Вы ограничили Свое Самодержавие, и что у нас скоро будет конституция. Это обстоятельство чревато последствиями: смута увеличится». По его мнению, ограничение самодержавия было бы началом расчленения и гибели России. Поэтому А. А. Чемодуров просил царя подтвердить, «что наше [монархистов. — *И. О.*] понимание о неприкосновенности Самодержавной Власти правильно, и что мы видим в Вас Самодержавного Русского Царя» [46, с. 28]. Николай II ответил весьма неопределенно: «Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение моей непререкаемой воли и акт, не подлежащий изменению» [17, с. 218]. Но по окончании высочайшего приема представители Союза землевладельцев все же вынесли «убеждение, что Самодержавие Русского Царя незыблемо: и потому, подчиняясь всякому велению, от Высочайшей власти исходящему, в том числе и Манифесту 17 октября, Совет Союза полагает, что актом сим самодержавие Государя не отменено...» [28].

23 декабря 1905 г. Высочайшего приема удостоилась депутация Союза русского народа. Ее участник П. Ф. Булацель выразил общую мысль монархистов: «Мы твердо уверены, что Самодержавие вполне совместимо с Государственной Думой...», оно «не устранено манифестом 17 Октября» [4, с. 14]. Николай II на этот раз безоговорочно поддержал выступавшего: «Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти я буду нести Сам» [31]. А 16 февраля 1906 г. депутаты ИВСМП, представители которой «молили» государя сохранить в неприкосновенности всю полноту своей власти, император заявил: «Я как встарь буду Самодержавный и неограниченный», подчеркнув в то же время, что «милости, дарованные Манифестом, я выполню для блага всего народа» [15, л. 32].

Б. В. Назаревский в своем выступлении на общем собрании РМП в конце февраля 1906 г. выразил настроения монархистов, получивших одобрение своих взглядов с высоты престола: «Теперь, когда начинает мало-помалу рассеиваться туман, так густо заволочивший русскую землю после 17 октября, мы наконец можем вздохнуть свободнее. Это еще не победа — это минута передышки, во время которой надо усиленно готовиться к продолжению тяжелой и напряженной борьбы» [34, с. 137].

Однако большинство правых понимали, что отмена октябрьского манифеста маловероятна, и поэтому сосредоточили свои усилия на «правильном» (монархическом)

толковании этого законодательного акта. «Русское собрание» накануне выборов в Государственную думу заявило, что «Царское самодержавие не отменено Манифестом 17 Октября и продолжает существовать на Руси и при новых порядках» [33, с. 130]. В программном документе ИВСМП по поводу манифеста 17 октября говорилось так: «Не устранился тем и не может устраниться ЦАРЬ от народа своего, Он был, есть и будет вершителем судеб земли русской. В наше время и в будущем только ЕГО самодержавная власть будет освящать всякий закон и утверждать всякое право» [35, л. 12].

Однако таких деклараций монархистам было явно недостаточно, чтобы накануне предстоящих выборов в Государственную думу убедить широкие массы в правильности своей позиции. Необходимо было ее теоретическое обоснование. Начало этой работе было положено интеллектуальным штабом правого лагеря — «Русским собранием» — которое, как писал Ю. П. Бартенев, первым «пришло на помощь русскому читающему и мыслящему люду в понимании того дерзкого подлога, который был проделан с манифестом 17 октября» [1, с. 56]. В декабре 1905 г. в своем обращении к единомышленникам «Русское собрание» утверждало, что этот манифест «ни по форме изложения, ни по своему содержанию не указывает на отречение Государя Императора от Самодержавной власти». А уж если император решил бы отказаться от самодержавной власти, то сделать это он мог бы только лично за себя, и власть его, в соответствии с действующим законодательством, «перешла бы к Его Наследнику». Даже в случае решения самодержца об изменении формы правления и введении в России конституции он, как «Помазанник Божий, принявший эту власть в присутствии русского народа, в Московском Успенском Соборе», должен сделать это «при той же торжественной обстановке и притом не иначе, как с согласия всего русского народа, предки которого, по Божьему соизволению, вручили Его Державному Предку власть». Однако, говорилось далее, манифесту 17 октября 1905 г. «не предшествовало народное голосование», не было и официального отречения от власти в Успенском Соборе, а в последующих манифестах царь продолжал именовать себя самодержавным [34, с. 84].

«Русское собрание» доказывало, что своим манифестом Николай II лишь выразил доверие русскому народу, пообещав «не издавать ни одного закона помимо народного желания» (т.е. без одобрения Государственной думы), и, наоборот, высказал недоверие «к прежним Его советникам, которые, находясь далеко от народа и не зная его нужд, подносили к утверждению Государя такие законы, которые не только не отвечали народным желаниям, но иногда были направлены вразрез народным интересам» [34, с. 85].

Эстафету в вопросе толкования манифеста 17 октября у «Русского собрания» принял «Кружок москвичей». «Сочувствуя в общем основным убеждениям, которые проводятся в обращениях “Русского Собрания”, мы находим однако, что вопрос о значении Манифеста 17-го октября, поскольку он касается прав Государственной Думы, требует некоторых дополнительных разъяснений, и потому считаем необходимым... изложить свой взгляд на этот государственный акт...», — заявили его члены в своем обращении, датированном 17 января 1906 г. [34, с. 111].

В отличие от «Русского собрания» «Кружок москвичей» признавал, что манифест «имел целью до известной степени изменить характер верховной власти», однако при этом настаивал, что этим актом в России не введена конституция, так как «царская власть зиждется у нас не на каком-либо указе или манифесте, не на той или другой статье Свода законов; она создана органически нашей историей, она выросла вместе с русской землей». Поэтому судьба русского самодержавия зависит не от какого-либо юридического акта, а от того, «уцелеет ли народная вера, основа силы и жизненности царской власти, и

сумеет ли самодержавие оправдать эту веру, действуя в духе своего исторического призвания» [34, с. 113, 114].

«Кружок москвичей» выделял два течения в современном ему русском обществе: одно выступало за отмену манифеста 17 октября «как акта, положившего будто бы начало конституционному строю, которого народ наш не желает», другое же, наоборот, настаивало на «развитии конституционного принципа», якобы провозглашенного этим актом. Однако «Кружок» не соглашался ни с теми, ни с другими, полагая, что если манифест отменить, то это может подорвать доверие к «Царскому слову» и породить смуту, если же попытаться убедить власть пойти дальше и дать конституцию, то это «значит пользоваться случайной политической ошибкою, чтобы увлечь государство на путь не только совершенно ложный, но и крайне опасный» [34, с. 117]. (В этом пассаже обращает на себя внимание слово «ошибка» по отношению к царскому манифесту.)

«Кружок москвичей» предостерегал также от попыток превратить «этот манифест в обязательство, наложенное на Царя, и придавать ему форму какого-либо договора» между царем и обществом, ибо это будет иметь губительные для государства последствия, так как народ подумает, что «Царь присягнул “господам” и что нет более в русской земле верховной власти, вполне свободной, независимой, стоящей выше всех сословий и общественных классов, нет Царя, повинующегося только внушениям Своей совести, а есть лишь высшее правительственное лицо, обязанное действовать по воле и по указаниям тех общественных классов, которые получают преобладающее положение в представительных учреждениях». Поэтому, заключали авторы документа, пусть «Манифест 17-го октября остается тем, чем был... простым дополнением к Манифесту 6-го августа, последним камнем, которым увенчано здание Государственной Думы, но пусть будут решительно отвергнуты попытки сделать из него фундамент нового здания Российской конституции. Словом, подчиняясь Манифесту 17-го октября, мы понимаем его в буквальном смысле, без всякого перетолкования» [34, с. 117—118].

В ноябре 1906 г. печатный орган СРН практически дословно повторил основные тезисы обращения «Кружка москвичей» на своих страницах: «Этот манифест не ограничивает самодержавной власти Царя, а ограничивает самодержавие чиновников-министров. Государь, как законодатель, остался неограниченно самодержавным и после манифеста 17 октября, оставив за собою неотъемлемое право издавать законы, созывать и распускать государственную думу, отменять или же смягчать наказания... вообще самодержавно и неограниченно управлять Россией». Народ же, продолжала газета, «смотрит на этот акт как на простое дополнение к манифесту 6 августа» и «считает его последним камнем, которым увенчано здание Государственной Думы, но не признает его фундаментом нового здания Российской конституции, понимает его в буквальном смысле, без всякого перетолкования», решительно выступая «против всякой попытки» понимать манифест 17 октября «как принципиальное провозглашение нового, конституционного строя» [41].

СРЛ заявил, что цель манифестов от 6 августа и от 17 октября — лишь «уничтожение стены между Царем и народом» и трактовать их «как введение конституции (парламентского строя) для России и отказ Государя от Самодержавия могут только люди, желающие взять власть Государственную в свои руки» [34, с. 110]. Всенародный русский союз (ВРС), созданный по инициативе Русской монархической партии ввиду приближающихся выборов в I Государственную думу и призванный объединить усилия правых в борьбе за места в Таврическом дворце, в своем уставе провозглашал: «Манифестом 17 октября не введена конституция и самодержавная власть остается в силе» [36, л. 168].

Консолидированную позицию правых союзов и организаций выразил своим всеподданнейшим обращением проходивший в Петербурге с 8 по 12 февраля Первый съезд «Русского Собрания», который позже стал именоваться Первым всероссийским съездом русских людей. В этом обращении говорилось: «Верноподданнически приемля манифест 17 октября 1905 года как самодержавное изволение Вашей неограниченной власти, Съезд отвергает мысль, будто сим манифестом введена конституционная форма правления, противная политическим верованиям народа и невозможная в России за отсутствием в коренном народе Русском какой-либо действительной силы, желающей или могущей ограничить полноту царской власти. Равным образом Съезд не допускает, чтобы на манифест дозволительно было взирать как на обязательство царское, в особенности же как на обязательство, подлежащее, будто бы, закреплению присягою Вашего Императорского Величества» [34, с. 125]. Несколько позже самая массовая монархическая партия — Союз русского народа — в своих «Основных положениях» выразила эту мысль гораздо лаконичнее: «Царское Самодержавие не было отменено Манифестом 17 октября 1905 года и неизбежно существует на Руси» [47, с. 7].

Часть монархистов вообще считала, что царь не вправе ограничивать свою власть, так как она является результатом договора между первым царем Дома Романовых Михаилом и русским народом, заключенного на Земском соборе 1613 г. Такую точку зрения, в частности, высказывали популярные правые публицисты А. А. Киреев [22, с. 252], Н. Черников [51, с. 271], а также один из лидеров РМП Л. В. Геника [5].

Только самостоятельно возникшие в провинции монархические организации проигнорировали противоречие между провозглашенными манифестом 17 октября законодательными полномочиями Государственной думы и существованием неограниченной самодержавной власти монарха. В уставе учрежденного в конце ноября 1905 г. Шуйского Союза русских православных людей вторым пунктом значилось: «Управление Государства Царем Самодержавным с Государственной Думой согласно манифесту 17 октября 1905 г.» [37, л. 12 об.]. Еще одна организация — Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия, возникшая спустя месяц, выразив в своем Уставе глубокую благодарность государю «за дарованные Высочайшим Манифестом от 17 октября 1905 года блага» [15, л. 2], первым пунктом своей программы поставила «неприкосновенность Самодержавной власти Государя Императора на основах, дарованных Государем Императором в высочайших манифестах от 6-го Августа, 17-го Октября и 3-го Ноября 1905 года [об отмене выкупных платежей. — *И. О.*]». А предпоследним, одиннадцатым, — «скорейшее узаконение проведения в жизнь дарованных Высочайшим Манифестом 17-го октября с.[его] г.[ода] населению прав неприкосновенности личности, свободы слова, совести, собраний и союзов» [35, л. 12 об.].

Партийный казначей ИВСМП А. Р. Фельдман в своем выступлении заявил, что после публикации манифеста 17 октября Россия «пойдет дорогой прогресса и мира к свету, к цивилизации... это именно то, чего жадно добивался русский народ в течение многих веков, и что это достигнуто мирным, не кровавым путем, как, например, во Франции и в Германии» [35, л. 11, 11 об.]. Он даже назвал манифест 17 октября «путеводной звездой к новой эре» и заявил, что на монархистах «лежит святая обязанность, чтобы предначертания царя были проведены в жизнь, чтобы этот священный дар не заглох...» [35, л. 6, 6 об.]. Правда, при этом А. Р. Фельдман подчеркивал (вероятно, цитируя опубликованное несколько ранее обращение столичного «Русского собрания»), что ни о каком ограничении власти монарха в манифесте 17 октября речь не идет, ибо «не только первый манифест от 6 августа, но также и все последующие издавались от имени САМОДЕРЖЦА, а не просто Русского Царя» [35, л. 6 об.]. В дальнейшем эта позиция в рядах партии стала

общепринятой. В 1907 г. от имени ИВСМП председателю III Думы Н. А. Хомякову была направлена телеграмма следующего содержания: «Стыдно и больно за большинство членов Государственной Думы, которые не желают понимать Манифестов и слов нашего Обожяемого Монарха, сказавшего нам, иваново-вознесенцам, лично 16 февраля 1906 года, что Он, как встарь, будет Самодержавный и Неограниченный; следовательно, ни о какой конституции не может быть и речи» [44].

Бурную реакцию в стане правых вызвали слухи о пересмотре Основных законов Российской империи в духе октябрьского манифеста. «В Петербурге творится что-то неладное. Под покровом величайшей тайны идут какие-то спешные работы, о которых ходят разные темные слухи», — писал по этому поводу В. А. Грингмут, узнав из депеши от 15 января 1906 г. «преданного графу Витте» Петербургского телеграфного агентства, что в «настоящее время спешно идут работы по полному согласованию Основных Законов Империи... с Манифестом 17 октября». Лидер РМП заявил, что он понял бы, если бы эти «спешные работы» велись с целью согласования манифеста 17 октября с Основными законами империи, — но не наоборот, ибо «Основные Законы Империи, по самому существу своему, незыблемы — и ни под какие иные, противоречащие им акты и законы, подгоняемы быть не могут» [46, с. 48]. «Кружок москвичей» в своем обращении от 17 января 1906 г. поддержал В. А. Грингмута, заявив, что «ни о каком изменении наших Основных законов не может быть и речи» [34, с. 118].

Однако весьма близкий ко двору правый публицист В. П. Мещерский на страницах своего журнала «Гражданин» обвинил В. А. Грингмута в «буйном помешательстве» за то, что последний «в передовой статье осмеливается объявлять Государю, что Он не смеет касаться Основных законов» [49, с. 169]. Дело в том, что идею о переработке Основных законов, высказанную дворцовым комендантом Д. Ф. Треповым, поддержал, правда не без колебаний, сам Николай II, хотя глава кабинета И. Л. Горемыкин и убеждал монарха повременить с изменением Основных законов до тех пор, пока «не выяснится характер и деятельность Думы» [49, с. 169].

В феврале 1906 г. в борьбу за сохранение Основных законов Российской империи включились делегаты Первого съезда «Русского Собрания» (Всероссийского съезда Русских людей), пришедшие к выводу, что «“нововведения манифеста” ни в чем не посягают на изменение или отмену Основных законов Империи» [34, с. 125]. Однако завершилась эта борьба поражением правых — 23 апреля 1906 г. была опубликована новая редакция Основных законов Российской империи, измененная в том числе и в соответствии с манифестом 17 октября 1905 г. Но и после этого правые продолжали протестовать. В августе 1906 г. СРН в своих «Основоположениях» утверждал, что Высочайшие манифесты 17 апреля (о свободе вероисповедания) и 17 октября 1905 г. должны быть «согласованы с Основными законами Российской империи, а не наоборот» [47, с. 10].

Несмотря на консервативно-традиционалистскую идеологическую парадигму русских монархистов, участие правых партий в думских избирательных кампаниях заставляло их несколько корректировать свои политические позиции. Так, СРН в своем обращении к фабричным рабочим накануне выборов в I Государственную думу писал: «Все, чего просил народ, теперь дано. Манифестом 17-го октября России дарованы свободная жизнь, свобода слова, свобода вероисповедания; дано право участвовать в составлении законов; наконец, народу предоставлено через Думу наблюдать за действиями поставленных от Царя властей и чиновников» [34, с. 90]. После такой преамбулы следовала и основная мысль этого обращения: «С такими правами можно жить и работать спокойно» [34, с. 90], т.е. рабочим пора прекращать революционные выступления и возвращаться в цеха.

В. М. Пуришкевич во время выборов во II Государственную думу даже выступал с призывом «отстоять акт 17 октября от покушений революционеров» [18, с. 150], что ему впоследствии вменяли в вину его бывшие соратники по СРН. Такая позиция В. М. Пуришкевича не была случайностью, во всяком случае во второй думской избирательной кампании. Как свидетельствовала член Главного Совета СРН Е. А. Полубояринова, большая часть правительственной субсидии в 150 тыс. рублей, полученной председателем СРН А. И. Дубровиным накануне выборов, в соответствии с личным пожеланием главы кабинета П. А. Столыпина «пошла на проведение Пуришкевича в члены Государственной думы» [48, с. 39—40]. Понятно, что при таких условиях последний должен был придерживаться политической линии премьер-министра, активно строившего здание «думской монархии», фундаментом которого являлся манифест 17 октября. Гораздо позже один из соратников В. М. Пуришкевича по РНСМА Ю. С. Карцов намеревался в подготовленной к изданию брошюре напомнить императору, как в свое время императрица Анна Иоанновна разорвала «кондиции», составленные верховниками, явно намекая на манифест 17 октября. Однако В. М. Пуришкевич выступил категорически против, «после того, как проконсультировался с “кем следует” и ему объяснили, что появление данной брошюры “поставит правительство в ложное положение и окажет ему плохую услугу”» [21, с. 214—215] (напомним: в начале 1906 г. монархисты не стеснялись высказывать подобные предложения).

Еще более лояльную позицию к манифесту 17 октября занимали провинциальные союзники (члены СРН). После катастрофической неудачи на выборах в I Думу они пытались во второй думской избирательной кампании позитивной оценкой данного законодательного акта перекинуть мостик к партии октябристов для создания предвыборной коалиции. Причем делалось это вопреки запрету Главного Совета СРН, полагавшего, что блокироваться на выборах с октябристами Союзу невыгодно, так как этот «блок» вряд ли «сможет повлиять на выборы в желательном для него смысле, а скорее наоборот, лишь отнимет у него несколько мест в госуд. Думе» [42], а также вопреки принятой 2 сентября 1906 г. I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН Избирательной программе, в которой содержался такой пункт: «Самодержавие русских Царей, Православную Церковь освященное, по воле Государя императора осталось и после 17-го Октября незыблемым, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России» [34, с. 190].

Газета «Владимирский край», орган Владимирского отдела СРН, 30 ноября 1906 г. писала, что октябрьским манифестом царь «признал невозможность дальнейшего оставления за собой неограниченной верховной власти и положил начало новому государственному строю». Теперь, по мнению газеты, «бесцельно отстаивать прежнюю неограниченную власть в издании законов, когда сам Царь признал ее непосильным для себя бременем». Однако, говорилось далее, многие вполне преданные престолу и отечеству люди «не могут примириться с мыслью, чтобы Россия могла существовать при каком бы то ни было ограничении власти», и потому задаются вопросом — «не следует ли нам вернуться» к истинному самодержавию? Ответ на этот вопрос автор статьи давал отрицательный: сам «государь не верит в возможность издания законов без участия народа» и выходит, что мы, монархисты, «настаиваем на такой власти, которую монарх не в силах проявить. Государь говорит своему народу: для блага твоего же помоги Мне, а ему отвечают, управляй неограниченно, мы тебе не помощь...». Правда, завершалась статья достаточно верноподанным призывом «помочь Государю, чтобы в Думу избирались действительно русские люди, не посягающие на Его власть, а стремящиеся исполнить свой долг перед родиной» [8].

В начале декабря 1906 г. «Владимирский край» еще раз уверил читателей в своей полной поддержке изменений государственного строя, последовавших после 17 октября: «Воля Государя Императора является для Союза [русского народа] священной: Император же Николай II Манифестом 17 октября бесповоротно осудил бесконтрольность правительственной власти и занес на скрижали русской истории непоколебимые принципы законности...» [9]. При этом правые, не выступая против предоставления Думе права контроля *закономерности* действий правительства, в то же время категорически не соглашались с предоставлением законодательной власти права контроля за *целесообразностью* действий власти исполнительной, что означало бы создание ответственного министерства, столь желательного для оппозиции. Так, в январе 1907 г., выступая на избирательном собрании во Владимире, оратор от СРН В. К. Кулибин заявил, что «монархические партии преклоняются перед манифестом 17 октября как перед непреклонной волей своего обожаемого Государя», однако «считают совершенно нежелательным идти дальше дарованного Манифестом и устраивать между царем и его народом новое средостение в лице министров, ответственных не перед ним, а перед парламентом» [10].

Заключение

Таким образом, реакция на публикацию манифеста 17 октября 1905 г. представителей различных социальных групп, входивших в правый лагерь, не была одинаковой. Если монархически настроенные социальные низы в своем стремлении защитить самодержавие готовы были избивать распространителей манифеста, считая его подложным, то реакция представителей правого политического класса была более сдержанной, хотя в целом тоже негативной. Лишь отдельные представители монархического лагеря связывали с манифестом надежды на усовершенствование государственного порядка, преодоление его бюрократизации и восстановление единения царя с народом.

После публикации манифеста правые оказались в довольно сложном положении, ибо данный законодательный акт ограничивал власть царя (чего они совершенно не желали), но исходил он с высоты престола, а значит, был обязательным к исполнению всеми подданными русского царя. Выход часть правых видела в отмене манифеста. Однако Николай II не поддержал это предложение, понимая, во-первых, что такая непоследовательность нанесет большой ущерб авторитету его власти, чем сам манифест, а во-вторых, резонно опасаясь возрождения ситуативного союза либеральной оппозиции с социалистическими радикалами, разрушенного в октябре 1905 г. дарованием Государственной думе законодательных прав.

Тем не менее монархисты не жалели чернил для критики манифеста, оправдывая себя тем, что он вырван у власти обманом и угрозами революционных выступлений, которые на самом деле уже прекращались. Не устраивала правых и неопределенность формулировок царского манифеста, позволявшая оппозиции трактовать этот документ как конституционный акт. С другой стороны, эта неопределенность дала возможность и правым, формально не выступая против монаршей воли, понимать этот законодательный акт по-своему, отрицая его конституционную сущность и настаивая на том, что самодержавие в России не отменено. Такое истолкование манифеста 17 октября в декабре 1905 г., после подавления декабрьского вооруженного восстания, получило полное одобрение монарха, высказанное им многочисленным правым депутатам. Вероятно, к этому времени Николай II уже сожалел о слишком больших уступках революции, сделанных им в октябре 1905 г.

Если правые организации, идеологи и публицисты в обеих столицах стремились в трактовке манифеста 17 октября 1905 г. снять противоречие между существованием самодержавной власти царя и законодательными правами Государственной думы (раз-

умеется в пользу самодержца), то провинциальные монархисты в своих программных документах и публичных выступлениях это противоречие поначалу старались просто игнорировать, с одинаковым пиететом высказываясь и о самодержавии, и о народном представительстве, облеченном законодательными правами. Более того, тактические соображения в период выборов порой подталкивали провинциальных монархистов для достижения коалиционных соглашений (а то и просто для расширения электората, негативно относившегося к критике узаконений, исходящих от самого царя) использовать почти октябристскую риторику по отношению к манифесту, т.е. признавать если не его конституционное, то хотя бы конституирующее значение. Однако лидеры правого лагеря категорически выступали против такой самодеятельности провинциальных организаций и продолжали яростно отстаивать тезис о том, что манифест 17 октября 1905 г. не ограничил самодержавие в России.

Список источников

1. Бартенев Ю. Оказанная правда // Мирный труд. 1908. № 1. С. 41—58.
2. Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М. : Новости, 1990. 608 с.
3. Будилович А. С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? (Из «Библиотеки окраин России». № 4). СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1907. 76 с.
4. Булацель П. Борьба за правду. Т. 1. СПб. : Отечественная типография, 1908. 338 с.
5. Вече. 1906. 22 апр. № 12.
6. Владимирский край. 1906. 23 нояб. № А17.
7. Владимирский край. 1906. 25 нояб. № 19.
8. Владимирский край. 1906. 30 нояб. № 23.
9. Владимирский край. 1906. 6 дек. № 28.
10. Владимирский край. 1907. 23 янв. № 18.
11. Восторгов И. Памяти В. А. Грингмута // Мирный труд. 1907. № 10. С. 185—192.
12. Восторгов И. И. Полное собрание сочинений. Т. 3 : в 2 вып. Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. 1906—1908 гг. Вып. 1. М. : Тип. «Русская печатня» В. В. Назаревского, 1915. 794, VII с.
13. Вязигин А. С. По поводу высочайшего манифеста от 17 октября 1905 года // Мирный труд. 1905. № 9. С. XXVII—XXXII.
14. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1517.
15. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2833.
16. Задонский В. Всероссийский съезд землевладельцев // Мирный труд. 1905. № 10. С. 174—181.
17. Задонский В. Голос русских людей перед царским престолом // Мирный труд. 1905. № 10. С. 217—229.
18. Ивакин Г. А. «Главный совет нашел нужным... исключить г. Пуришкевича из числа членов Союза». Письма, проекты протоколов, заявления и телеграммы членов Союза русского народа председателю СРН А. И. Дубровину и в Главный совет СРН. 1907—1908 гг. // Исторический архив. 2022. № 1. С. 133—157.
19. Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб. : Владимир Даль, 2023. 639 с.
20. Иванов А. А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб. : Владимир Даль, 2020. 621 с.
21. Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. : в 3 т. Т. 1. Консервативные партии. М. : Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.
22. Киреев А. Голос старого славянофила // Мирный труд. 1907. № 8—9. С. 249—256.
23. Коковцов В. Н. Из моего прошлого (1903—1919): Воспоминания. Минск : Харинвест, 2004. 896 с.
24. Кремль. 1906. 19 окт. № 26—28.
25. Любинский А. И. Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением. (Речь, произнесенная в предвыборном собрании 14 сентября 1907 г.). Киев : Тип. И. И. Горбунова, 1907. 16 с.
26. Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил / сост. и коммент. Д. Стогов ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. 704 с.
27. Московские ведомости. 1905. 19 окт. № 278.

28. Московские ведомости. 1905. 18 дек. № 325.
29. Московские ведомости. 1906. 12 янв. № 9.
30. Московские ведомости. 1906. 25 янв. № 22.
31. Московские ведомости. 1906. 28 янв. № 25.
32. Пасхалов К. Н. Русский вопрос / сост., предисл. и коммент. Д. Стогова ; отв. ред. О. Платонов. М. : Алгоритм, 2008. 720 с.
33. Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением манифеста 17 октября и доклада Витте. СПб. : Изд. ННШ, 1906. 131 с.
34. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. Т. 1. 1905—1910 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 720 с.
35. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 38.
36. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 157.
37. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1911 г. Д. 51.
38. Руководство черносотенца-монархиста. [М. : Унив. тип., 1906]. 16 с.
39. Русский народ. 1908. 31 дек. № 475.
40. Русское знамя. 1906. 9 мая. № 117.
41. Русское знамя. 1906. 1 нояб. № 270.
42. Русское знамя. 1906. 6 дек. № 300.
43. Русское знамя. 1907. 31 мая. № 116.
44. Русское знамя. 1907. 20 нояб. № 253.
45. Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. М. : Русская печатня, 1910. 354 с.
46. Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4. М. : Русская печатня, 1910. 410 с.
47. Союз Русского Народа. М. : Русская печатня, 1906. 16 с.
48. Союз русского народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 444 с.
49. Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Эксмо : Яуза, 2005. 544 с.
50. Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1906. № 2. С. 199—205.
51. Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1907. № 8—9. С. 267—283.
52. Шимбирева О. А. Документальные комплексы архивного фонда Союза Русского народа «Письма черносотенцев и других лиц» как источник изучения общественных настроений в Российской империи начала XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 254 с.
53. Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 286 p.

References

1. Bartenev Yu. Okazennaya pravda [The Truth Revealed]. *Mirnyi trud*, 1908, no. 1, pp. 41—58. (In Russian)
2. Bogdanovich A. V. *Tri poslednikh samoderzhitsa. Dnevnik* [The Last Three Autocrats. Diary]. Moscow, Novosti Publ., 1990. 608 p. (In Russian)
3. Budilovich A. S. *Mozhet li Rossiya otdat' inorodtsam svoi okrainy? (Iz „Biblioteki okrain Rossii“. № 4)* [Can Russia Give Its Outskirts to Foreigners? (From the “Library of the Outskirts of Russia”. No 4)]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1907. 76 p. (In Russian)
4. Bulatsel' P. *Bor'ba za pravdu. T. 1* [The Fight for Truth. Vol. 1]. St. Petersburg, Otechestvennaya tipografiya Publ., 1908. 338 p. (In Russian)
5. *Veche*, 1906. Apr. 22, no. 12. (In Russian)
6. *Vladimirskii krai*, 1906. Nov. 23, no. A17. (In Russian)
7. *Vladimirskii krai*, 1906. Nov. 25, no. 19. (In Russian)
8. *Vladimirskii krai*, 1906. Nov. 30, no. 23. (In Russian)
9. *Vladimirskii krai*, 1906. Dec. 6, no. 28. (In Russian)
10. *Vladimirskii krai*, 1907. Jan. 23, no. 18. (In Russian)
11. Vostorgov I. Pamyati V. A. Gringmuta [In Memory of V. A. Gringmut]. *Mirnyi trud*, 1907, no. 10, pp. 185—192. (In Russian)
12. Vostorgov I. I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 3: v 2 vyp. Propovedi i pouchitel'nye stat'i na religiozno-nravstvennyye temy. 1906—1908 gg. Vyp. 1* [Complete Works. Vol. 3. In 2 issues. Sermons and Instructive Articles on Religious and Moral Themes. 1906—1908. Iss. 1]. Moscow, Tip. “Russkaya pechatnya” V. V. Nazarevskogo Publ., 1915. 794, VII p. (In Russian)
13. Vyazigin A. S. Po povodu vysochaishego manifesta ot 17 oktyabrya 1905 goda [Regarding the highest manifesto of October 17, 1905]. *Mirnyi trud*, 1905, no. 9, pp. XXVII—XXXII. (In Russian)

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskoi oblasti* [State Archives of the Vladimir Region] (GAVO). F. 14. Op. 1. D. 1517.
15. GAVO. F. 14. Op. 4. D. 2833.
16. Zadonskii V. Vserossiiskii s'ezd zemleladel'tsev [All-Russia Congress of Landowners]. *Mirnyi trud*, 1905, no. 10, pp. 174—181. (In Russian)
17. Zadonskii V. Golos russkikh lyudei pered tsarskim prestolom [The Voice of the Russian People Before the Tsar's Throne]. *Mirnyi trud*, 1905, no. 10, pp. 217—229. (In Russian)
18. Ivakin G. A. "Glavnyi soviet nashel nuzhnym... isklyuchit' g. Purishkevicha iz chisla chlenov Soyuzha". Pis'ma, proekty protokolov, zayavleniya i telegrammy chlenov Soyuzha russkogo naroda predsedatelyu SRN A. I. Dubrovinu i v Glavnyi soviet SRN. 1907—1908 gg. ["The Main Council found it necessary... to exclude Mr. Purishkevich from the Union"] Letters, draft protocols, statements and telegrams from members of the Union of the Russian People to the Chairman of the URP A. I. Dubrovin and to the Main Council of the URP. 1907—1908]. *Istoricheskii arkhiv — Historical Archive*, 2022, no. 1, pp. 133—157. (In Russian)
19. Ivanov A. A. *Vozhd' chernoii reaktsii: Nikolai Evgen'evich Markov* [The leader of the black reaction: Nikolay Evgenyevich Markov]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2023. 639 p. (In Russian)
20. Ivanov A. A. *Plamennyi reaktioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich* [The fiery reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2020. 621 p. (In Russian)
21. Ivanov A. A. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX — nachalo XX v.: v 3 t. T. 1. Konservativnye partii* [Political parties of Russia. Late 19th — early 20th century. In 3 volumes. Vol. 1. Conservative parties]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2022. 599 p. (In Russian)
22. Kireev A. Golos starogo slavyanofila [Voice of the Old Slavophile]. *Mirnyi trud*, 1907, no. 8—9, pp. 249—256. (In Russian)
23. Kokovtsov V. N. *Iz moego proshlogo (1903—1919): Vospominaniya* [From My Past (1903—1919). Memories]. Minsk, Kharinvest Publ., 2004. 896 p. (In Russian)
24. *Kreml'*, 1906. Oct. 19, no. 26—28. (In Russian)
25. Lyubinskii A. I. *Russkii natsionalizm kak sredstvo bor'by s revolyutsionno-inorodcheskim dvizheniem. (Rech', proiznesennaya v predvybornom sobranii 14 sentyabrya 1907 g.)* [Russian nationalism as a means of combating the revolutionary foreign movement. (Speech delivered at a pre-election meeting on September 14, 1907)]. Kiev, Tip. I. I. Gorbunova Publ., 1907. 16 p. (In Russian)
26. Markov N. E. *Dumskie rechi. Voiny temnykh sil* [Duma Speeches. Wars of the Dark Forces]. Moscow, In-t russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 704 p. (In Russian)
27. *Moskovskie vedomosti*, 1905. Oct. 19, no. 278. (In Russian)
28. *Moskovskie vedomosti*, 1905. Dec. 18, no. 325. (In Russian)
29. *Moskovskie vedomosti*, 1906. Jan. 12, no. 9. (In Russian)
30. *Moskovskie vedomosti*, 1906. Jan. 25, no. 22. (In Russian)
31. *Moskovskie vedomosti*, 1906. Jan. 28, no. 25. (In Russian)
32. Paskhalov K. N. *Russkii* [Russian]. Moscow, Algoritm Publ., 2008. 720 p. (In Russian)
33. *Polnyi sbornik platform vsekh russkikh politicheskikh partii, s prilozheniem manifesta 17 oktyabrya i doklada Vitte* [Complete collection of platforms of all Russian political parties, with appendix of manifesto of October 17 and report of Witte]. St. Petersburg, Izd. NNSh Publ., 1906. 131 p. (In Russian)
34. *Pravye partii. Dokumenty i materialy: v 2 t. T. 1. 1905—1910 gg.* [Right parties. Documents and materials. In 2 volumes. Vol. 1. 1905—1910]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 1998. 720 p. (In Russian)
35. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1284. Op. 187. 1906 g. D. 38.
36. RGIA. F. 1284. Op. 187. 1906. D. 157.
37. RGIA. F. 1284. Op. 187. 1911. D. 51.
38. *Rukovodstvo chernosotentsa-monarkhista* [Black Hundred Monarchist Leadership]. (Moscow, Univ. tip. Publ., 1906). 16 p. (In Russian)
39. *Russkii narod*, 1908. Dec. 31, no. 475. (In Russian)
40. *Russkoe znamya*, 1906. May 9, no. 117. (In Russian)
41. *Russkoe znamya*, 1906. Nov. 1, no. 270. (In Russian)
42. *Russkoe znamya*, 1906. Dec. 6, no. 300. (In Russian)
43. *Russkoe znamya*, 1907. May 31, no. 116. (In Russian)
44. *Russkoe znamya*. 1907. Nov. 20, no. 253. (In Russian)
45. *Sobranie statei V. A. Gringmuta. Vyp. 3* [Collection of articles by V. A. Gringmut. Iss. 3]. Moscow, Russkaya pechatnya Publ., 1910. 354 p. (In Russian)

46. *Sobranie statei V. A. Gringmuta. Вып. 4* [Collection of articles by V. A. Gringmut. Iss. 4]. Moscow, Russkaya pechatnya Publ., 1910. 410 p. (In Russian)
47. *Soyuz Russkogo Naroda* [Union of the Russian People]. Moscow, Russkaya pechatnya Publ., 1906. 16 p. (In Russian)
48. *Soyuz russkogo naroda po materialam chrezvychnoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva 1917 g.* [Union of the Russian People based on the materials of the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government of 1917]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1929. 444 p. (In Russian)
49. Stepanov S. A. *Chernaya sotnya. 2-e izd., dop. i pererab.* [The Black Hundred. 2nd ed., suppl. and rev.]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2005. 544 p. (In Russian)
50. Chernikov N. Vnutrennee obozrenie [Internal Review]. *Mirnyi trud*, 1906, no. 2, pp. 199—205. (In Russian)
51. Chernikov N. Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Mirnyi trud*, 1907, no. 8—9, pp. 267—283. (In Russian)
52. Shimbireva O. A. Dokumental'nye komplekсы arkhivnogo fonda Soyuza Russkogo naroda „Pis'ma chernosotentsev i drugikh lits“ kak istochnik izucheniya obshchestvennykh nastroyeni v Rossiiskoi imperii nachala XX veka: dis. ... kand. ist. nauk [Documentary complexes of the archival fund of the Union of the Russian People “Letters of the Black Hundreds and other persons” as a source for studying public sentiment in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Cand. Dis.]. Moscow, 2017. 254 p. (In Russian)
53. Rawson Don C. *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 286 p.

Информация об авторе

И. В. Омелянчук — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

I. V. Omelyanchuk — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 16.07.2024; одобрена после рецензирования 24.08.2024;
принята к публикации 20.11.2024

The article was submitted 16.07.2024; approved after reviewing 24.08.2024;
accepted for publication 20.11.2024